

БРАТ МОЙ — ДРУГ МОЙ

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Вот уже прошло семь лет с тех пор, как 9 ноября 1995 г. встало в горький ряд скорбных дат истории нашей семьи.

... 12 марта 1966 г. — внезапный (от острой сердечной недостаточности) и ранний (всего в 59 лет) уход папы, 18 февраля 1986 г. — трагическая гибель моей дочери Анечки, 1 сентября 1990 г. — не стало мамы...

9 ноября 1995 г., казалось бы, ничто не предвещало беды. Мы с В. Г. Кадышевским находились в научной командировке в Польше, и только за два дня до этого, еще из Дубны, я разговаривал с моим старшим братом Иосифом — Ивой (так звали его в семье с легкой руки нашей бабушки Февроньи Яковлевны) по телефону. Он был в тот день на даче в Ново-Дарьине немного в грустном настроении и ждал гостей, приглашал подъехать к нему и нас... Но восьмого мы улетали в Польшу...

Вечер 9 ноября... Познань, мы в гостях у нашего польского коллеги Владислава Хмельовского: настроение приподнятое — выпили по рюмке. И вдруг — как гром среди ясного неба. Владиславу позвонили из университета, передали эту жуткую новость о внезапной кончине Ивочки от острой сердечной недостаточности...

Ему было всего 57 лет... Сам он часто говорил, что проживет, как папа, неполных шесть десятков лет...

Жизнь переключается с одним моим четверостишием, посвященным отцу:

От тебя мне судьба досталась,
и когда-нибудь по утру
не сердечную «недостаточностью»,
а «избыточностью» помру...

Чего-чего, а сердечной избыточности Ивочке было не занимать. Он любил людей и был любим своими друзьями.

До сих пор не могу привыкнуть к мысли, что нельзя наяву посоветоваться с братом, прислониться к его крепкому и надежному плечу. И в тот вечер в Познани, и потом в спешной обратной дороге в Москву

на похороны, и потом, и потом... не доходила до моего сознания эта жестокая и горькая весть: брата больше нет среди живых. Только память листала и листает страницы нашего с ним братства, дружбы, сердечной и крепкой привязанности. Вот некоторые из них...

НАША СЕМЬЯ

Мы с братом росли в большой и дружной семье. Семь «я». Так сейчас трактуют это теплое и доброе понятие. И нас было семь человек: папа и мама (научные работники — биологи), бабушка и дедушка (мамины родители, пенсионеры, они иногда навевывались к себе на родину в Тверь, а папины отец и мать — аштаракские крестьяне — умерли задолго до нашего с братом рождения), наша сестра Людмила и мы с братом. До 1949 г. мы жили в двух комнатах в большой коммунальной квартире — общежитии аспирантов — докторантов АН СССР, в Москве, на улице Горького (теперь Тверская) в доме 22а, на пятом этаже. Этот дом и сейчас сохранился, он стоит рядом с гостиницей «Минск». А потом мы жили на Б. Калужской (Ленинский проспект) в доме 13.

Хотя формально считалось, что Ива родился в Москве, но фактически он появился на свет 8 марта 1938 г. в Калинин (теперь Тверь), поскольку наша мама последние дни беременности находилась у своих родителей на Пролетарке (известный в Твери район текстильных фабрик). Бабушка — Февронья (Фаина) Яковлевна и дедушка — Петр Алексеевич Алексеевы тогда имели там небольшой деревянный дом, который в начале войны сгорел во время немецкой оккупации Калинин.

Наша бабушка была потомственной ткачихой. Она была статной, красивой и весьма активной женщиной. Активность ее проявлялась в участии в женском и революционном движении в Твери, а позднее в общественной и депутатской работе городского и областного масштаба. После революционных волнений 1905 г. она была сослана в Среднюю Азию как неблагонадежная. Там (в г. Бишкеке, который потом назывался Фрунзе) она и познакомилась со служившим в армии молодым унтер-офицером Петром Алексеевым, который стал вскоре ее вторым мужем (и вследствие этого нашим дедушкой). Первый муж бабушки (с которым она прожила всего несколько месяцев), племянник фабриканта Саввы Морозова, по неизвестной причине (вероятно — суицид) утонул в Волге, не оставив молодой вдове ни детей, ни наследства...

Петр Алексеевич, в отличие от бабушки, был скорее диссидентом, чем революционером. Работая в 20–40-е годы зам. начальника госпиталя, прорабом-строителем, директором известкового завода, наотрез отказывался вступать в партию. Будучи крестьянского проис-

хождения, он глубоко переживал сталинскую жестокую политику по отношению к крестьянству. «Он рубит сук, на котором сидит», — говорил дедушка о Сталине. Бабушка только вздыхала: «Ой, боюсь я за тебя, Петя. . . » Но, несмотря на разницу во взглядах на политику, бабушка и дедушка прожили дружную и долгую совместную жизнь. Незадолго до дедушкиной смерти от «грудной жабы» 19 июня 1956 г. в возрасте 75 лет они отметили золотую свадьбу. . . До взрослой жизни дожили трое из их шестерых детей: Алексей — друг папы, ученый-мелиоратор, он познакомил папу со своей сестрой (ставшей затем нашей мамой!), погиб за Родину в Калининских в 1944 г. (в честь него меня, родившегося в 1944 г., и называли Алексеем); Варвара — наша милая мама, ученый-агрохимик, поэт, человек цельной и доброй души; Борис — учитель-историк, участник войны, как мне кажется, прожив 73 года, он так и не нашел себя в этой жизни. Полина, Коля и еще один младенец умерли рано во время эпидемий дифтерии и тифа. Как в капле воды отражаются свойства Мирового океана, так в истории семьи Февроньи (Фаины) Яковлевны и Петра Алексеевича отразилась противоречивая история Отечества XX в.

Но вернемся на наш пятый этаж, в 40-е годы уже прошлого века.

В стесненных условиях, но очень дружно на пятом этаже жили семьи научных работников из различных институтов Академии наук. К концу 40-х — началу 50-х годов, когда эту большую квартиру стали потихоньку расселять, многие ее обитатели были уже известными учеными, профессорами и членами академий. А кто-то не вернулся с фронта. К тем, кто впоследствии достиг значительных академических высот, относятся Сергей Николаевич Вернов — академик-физик, Иван Владимирович Тананаев — академик-химик, наш папа — Норайр Мартirosович Сисакян — академик-биохимик, Гагик Степанович Давтян — армянский академик-агрохимик. . . В первые же недели после начала войны наш папа, как и многие его товарищи, ушел в народное ополчение, несмотря на то, что был уже доктором наук и профессором.

По воспоминаниям мамы, маленький Ивочка, услышав по радио голос Левитана, поднимал кулачки вверх и говорил: «Война, отдай нашего папу».

К счастью, папа вскоре вернулся с фронта, отозванный специальным решением ГКО* для выполнения задания правительства по обеспечению Красной Армии витаминными препаратами. За разработку и внедрение нового способа витаминной сушки овощей в 1943 г. папа был награжден своим первым орденом «Знак Почета», а в нашем доме многие годы хранились баночки с опытными образцами сухих томатов, картофеля, лука и моркови.

* Государственный Комитет Оборона.

Не вернулся с войны папин товарищ — ополченец Федор Рукавишников — талантливый химик, доктор наук. Его семья жила на пятом этаже уже без своего папы... Сын, Володя Рукавишников, стал художником и нарисовал портрет папиного учителя — академика А. Н. Баха. Эта картина и поныне принадлежит нам и хранится в нашей квартире № 13 на Ленинском проспекте, 13.

Первые Ивины друзья — с пятого этажа нашего дома: Юра Вернов — сейчас известный физик-теоретик, доктор наук; Ната Давтян — ныне биолог, доцент Ереванского университета (возможно, уехала за границу в конце 90-х). Семейная молва донесла историю о том, как маленький Ивочка от избытка чувств укусил однажды Наточку за щеку. Но этот «скверный поступок» в дальнейшем не нашел никакого развития, наоборот, он оказался настолько нехарактерным для моего брата, что в него трудно поверить. Ива всегда отличался очень внимательным и добрым отношением к людям, рыцарским отношением к представительницам слабого, но лучшего пола.

Столь же необъяснимым был один Ивочкин поступок, который относится к моим ранним воспоминаниям. Мне было тогда лет 5–6, а Ивочке, соответственно, 10–11 лет. Я очень любил играть со своим братишкой в футбол, просто в мячик, в гоп-доп и другие доступные тогда игры. Конечно, не всегда старшие ребята — друзья Ивочки приглашали меня в свою компанию, но для меня самого это (когда со мной играли!) было большим счастьем. Внимание брата и его друзей я очень ценил.

И вот однажды приходит Ивочка, так хитро смотрит на меня и говорит: «Леша, хочешь в ЛЕШКИ поиграть?» Мне так, по крайней мере, показалось, что он предложил мне — ЛЕШЕ играть в ЛЕШКИ. «А что это такое?» — спросил я. «Давай попробуем сыграть, тогда узнаешь», — таков был ответ. Я, конечно, с искренней радостью доверчиво согласился. Ивочка накинул мне на ноги петлю веревки, которую крепко зажал в руках, и сказал: «А теперь беги...» Я настолько беззаветно верил брату, не ожидал от него никакого подвоха, что, не думая, рванулся изо всех сил. Результатом был мой разбитый нос, слезы...

«Какие же это ЛЕШКИ?» — ревел я. «А как же, ты же лежишь — вот и ЛЕЖКИ!» — объяснял мне Ивочка, вытирая мои слезы. Он и сам всерьез испугался своей неудачной шутки. Родителям мы, конечно, ничего про ЛЕЖКИ не сказали. Но это был единственный случай, когда я испытал от брата боль и обиду. Не считая, конечно, 9 ноября 1995 г. ...

Зато он не раз спасал меня в трудную минуту: однажды поймал меня, маленького, за ногу, когда я летел в яму; отловил тонущего в Москве-реке; научил меня очень многому в жизни; как никто поддерживал меня в тяжелые дни после гибели моей дочери Анечки...

Память воскрешает счастливые часы, проведенные с братом: наши походы на стадион, долгие задушевные беседы, совместные поездки на отдых, волейбол на даче, а позднее — участие в физических конференциях, обсуждения новых научных идей, дружеское застолье. . . Все это, увы, в прошлом.

Ни в детстве, ни во взрослой жизни Ива никогда не брал себе лучшего куска. «По-братски» означает: больший кусок — брату. Так мне всегда объяснял наш Иосиф Норайрович. У него была удивительная особенность: он никогда первым не клал трубку после телефонного разговора. . . Ива был любимцем друзей и семьи.

Наш папа — наш главный жизненный пример, человек обаятельный, прекрасный семьянин, ученый, отдавший свою яркую жизнь науке и отчизне, — называл Ивочку (на наполеоновский манер!) — «мой первый маршал».

Наша любимая мама — красивая и умная русская женщина, одновременно волевая и мягкая, талантливая и скромная, любящая уют, но лишенная всякого «вещизма», — справедливо считала Иву самым ласковым из своих детей, самой главной опорой нашей семьи после внезапного ухода из жизни папы. Правда, Ивочка доставлял маме и много переживаний, когда болел: в детстве — тяжелые холециститы, после 40 лет — инфаркт сердца. . .

Люсенька — наша младшая старшая сестра (Ивочка говорил «младшáя!»), филолог милостью божьей, трудоголик, человек цельный и мятежный — всегда говорила: «Ивочка — это настоящий современный рыцарь, не знаю человека благороднее его. . .».

Мне так хочется пообщаться с братом. Часто обращаюсь к нему в мыслях:

Твой ответ не прозвучит словами
на вопрос, поставленный в упор. . .
Ты ушел, но в мыслях между нами
может быть продолжен разговор. . .

ДРУЗЬЯ

Понятие дружбы было, пожалуй, самым святым в восприятии (или, как теперь говорят, в менталитете) моего брата.

Он очень искренне относился к друзьям, был заботлив к ним до самоотверженности, близко к сердцу принимал и радости, и беды друзей. Эта черта перешла к нему от родителей по наследству, но он, безусловно, обогатил ее своей яркой индивидуальностью. Причем он удивительно умел дружить одинаково успешно и с детьми, и со стариками, и с мужчинами, и с женщинами. После папиной кончины он как бы принял эстафету дружбы с задушевыми папиными товарищами. Приезжая из Еревана, близкий друг папы, Гагик Степанович Давтян,

первую встречу устраивал именно с Ивой. Либо у нас дома, либо в академической гостинице, где Гагик Степанович всегда останавливался, либо в ресторане (по торжественным случаям!) они вели неторопливую мужскую беседу за бутылочкой коньяка, потом долго гуляли по улицам, как когда-то делал папа. Гагик Степанович не раз отмечал, что Ива помогал ему то хорошим советом, то добрым действием. Дружески относились к Иве и Олег Георгиевич Газенко, и Армен Арамович Гюрджян — папины товарищи по космической биологии; Людмила Ивановна Хренникова, Валентина Петровна Островская, Ирина Иосифовна Филиппович — сотрудники Академии наук, много лет проработавшие с папой.

Брат учился в знаменитой 110-й школе. Она славилась как одна из лучших мужских средних школ столицы. Смешной случай рассказывали родители о собеседовании при поступлении Ивы в 1-й класс. Его спросили о том, до скольких он умеет считать. Ивочка ответил, что умеет «до семисот девяноста шести». После этого — немая сцена — вопрос в глазах учительницы. «Я потом заснул», — спокойно пояснил братишка. . .

После войны, когда Ивочка учился в школе, обучение было раздельным. Может быть, поэтому в Иве было заложено столь возвышенное отношение к женской половине человечества как к явлению таинственному и, безапелляционно, прекрасному.

Ивин класс был на редкость дружным. Ребята сохранили преданность друг другу до сих пор, пронеся ее через всю жизнь. Ежегодно в декабре они собираются вместе и вспоминают о прожитых годах. К сожалению, от встречи к встрече круг друзей тает: одним из первых ушел из жизни Женя Михальчи — талантливый ученый, человек легкоранимой души; на декабрьскую встречу 1995 г. не дождался Иосифа. . .

Среди одноклассников Ивы много обаятельных людей, неординарных личностей. Костя Щербаков — крупный искусствовед, бывший многие годы первым заместителем министра культуры России, средний сын крупного государственного деятеля А. С. Щербакова. Несмотря на очень разные профессии, Костя и Ива сохраняли теплые дружеские отношения всю жизнь. А с младшим братом Кости — Иваном, моим ровесником, Ива позже работал вместе в научном коллективе академика А. М. Прохорова. Они тоже стали близкими друзьями с Ивой. Сейчас Иван — директор Института общей физики РАН, крупный ученый-физик. Другим близким другом Ивы из класса был Эдик Рубинштейн — ныне известный московский строитель, человек очень теплый и надежный. В их классе учился Володя Захаров — видный ученый-физик и незаурядный организатор и Сергей Денисов — крупный отечественный физик-экспериментатор, работающий сейчас в Протвино. . .

С Сергеем Денисовым у меня связано одно детское воспоминание, которое по прошествии многих лет кажется мне особенно значительным. Он был именно тем мальчиком, который в марте 1953 г. отказался встать в пионерский караул у бюста товарища Сталина. Родители Сергея были репрессированы в 40-е годы, и маленький мальчик задолго до 20-го съезда партии принял для себя мужественное решение, как относиться к личности «вождя всех народов». Об этом поступке шепотом говорили взрослые, но, слава богу, у учителей хватило ума и благородства не испортить жизнь маленькому смельчаку.

Со многими друзьями Ивы сегодня я пытаюсь поддерживать связь, но, к сожалению, не всегда хватает времени и душевных сил. . .

А у брата, казалось, был неограниченный ресурс душевных сил. Его хватало на все и на всех. Он обрастал друзьями год от года. Богаты дружбой были студенческие годы. К сожалению, не все милые образы Ивиных друзей-товарищей сохранила моя память. Я приношу мои извинения тем Ивиным друзьям, которых я не упомянул в этих воспоминаниях или не смог охарактеризовать достаточно точно, но это моя вина (Ивочка помнил и любил всех, даже оступившихся в дружбе с ним).

Работая после окончания физфака МГУ в теоретделе ФИАНа у академика Евгения Львовича Фейнберга, к которому он попал по рекомендации академика С. Н. Вернова, Ива сблизился со многими талантливыми теоретиками, которые и сейчас сохранили о нем добрую память. Это и Игорь Дремин, и Игорь Андреев, и Илья Ройзен, Дмитрий Сергеевич Чернавский, Гурген Аскарьян. . . В тот период своей жизни он встретил Лену Андрееву (сестру Игоря), которая стала его женой и родила ему двух замечательных детей — Ольгу (1966 г.) и Артема (1967 г.). Растут два Ивочкина внука: Виктор (сын Оли) и Владислав (сын Артема, родившийся после Ивочкиной смерти, в 1999 г.) — пока единственный наследник нашей фамилии. «Он так близко к сердцу воспринимал беды российской науки и своих друзей, обрушившиеся в последние годы, что его сердце не выдержало», — так об Иве сказал на похоронах замечательный ученый Гурген Аскарьян (который через год тоже умер от сердечной недостаточности).

Во время работы в ФИАНе Ива сотрудничал и с физиками старшего и среднего поколений — Дмитрием Владимировичем Скобельцыным, Александром Михайловичем Балдиным, Ефимом Самойловичем Фрадкиным, Виталием Лазаревичем Гинзбургом, и с более молодыми учеными — Генрихом Милехиным, Владимиром Яковлевичем Файнбергом, Владимиром Ивановичем Ритусом, Ренатой Калош, Володей Манько. . .

Пойдя по стопам брата и поступив на физфак МГУ сразу после того, как он его окончил, я близко столкнулся со многими товарищами брата, которые, любя Иву, помогали мне, тогда молодому студенту-

физику, да и помогают теперь, так как многие работают либо в Дубне (где работаю я), либо в родственных научных центрах.

Алик Малов, Сергей Федотов, Слава Тонеев — люди большого общественного темперамента — всегда поддерживали меня как в науке, так и в общественных делах.

Рудик Фаустов, Борис Арбузов, Оля Зельдович, Дина Стоянова, Володя Беляев, Света Микоян (она училась не на физфаке, но была Ивиной приятельницей со студенческих времен), Валера Миляев, Боря Ишханов с большой теплотой вспоминают об Иве, и я на себе чувствую их тепло.

В последнее десятилетие жизни Ивочка активно работал по формированию нового направления науки — компьютерной оптики. Начатые в недрах ИОФ РАН разработки он продолжил в ЦКБ уникального приборостроения. Но развитие направления происходило в тесном сотрудничестве с научными центрами Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Самары, Дубны, Еревана и других городов как в СССР (России), так и за рубежом.

Часто научное сотрудничество перерастало в дружбу.

Виктор Сойфер и Владимир Павлович Шорин из Самары были желанными гостями в Ивочкином доме или на даче в Ново-Дарьине, где Ивочка особенно любил бывать в последние годы (после инфаркта, который он перенес в 1981 г.). Дачу в Ново-Дарьине в поселке АН СССР папа построил в 1957 г., она была любимым местом отдыха нашей семьи. Уже работая в Дубне, я часто приезжал к брату на дачу, где всегда было много друзей. Иногда он навещал меня в Дубне, обычно тоже в компании близких ему людей.

На даче у брата часто бывали Юрий Васильевич Гуляев (известный физик), Александр Николаевич Выставкин (известный ученый-радиоэлектронщик), Виктор Сойфер и Иван Щербаков (уже упоминавшиеся выше) с женой Соней, Слава Хомич и Женя Отливанчик с Мариной (сотрудники Ивиной лаборатории), Герман Куклин, Ольга Жирякова, Надежда Мамаева, Галя Каменская (сотрудники АН).

Я люблю встречаться с ними, так как Ива вложил в каждого из своих товарищей частицу большой и доброй души.

Иосиф Норайрович был одним из инициаторов (и первым председателем) Совета молодых ученых и специалистов г. Москвы. Приверженность этой общественной работе и я «слизал» у старшего брата (отсюда моя многолетняя активность в СМУиС ОИЯИ, города и области, преданность школам молодых ученых и школьным олимпиадам и т. п.).

Думаю, что к этому периоду относится Ивочкино знакомство с Геннадием Андреевичем Месяцем (он долгие годы был председателем Всесоюзного СМУиС), которое в дальнейшем переросло в совместные дела в науке и дружеские отношения. Сегодня Геннадия Андреевича

не надо представлять, так как его имя хорошо известно — выдающийся ученый и один из руководителей РАН.

Недавно мы вместе с В. Г. Кадышевским (который тоже очень тепло относился к Иве) были на приеме, устраиваемом МАИК «Наука/Интерпериодика» по поводу подведения итогов конкурса на лучшую публикацию года. Присутствовавший на приеме академик Юрий Васильевич Гуляев, узнав во мне Ивиного брата, произнес локальный тост в память своего друга — Иосифа Норайровича. Он сказал такие теплые и проникновенные слова, что сидевший рядом один высокий чин Русской православной церкви (память не сохранила его имя и титул) прочувствованно сказал: «Видно, Ваш брат был божий человек, раз его так помнят». А потом добавил: «Покуда российские ученые помнят об ушедших друзьях, их не одолеть...»

Характерно, что брат оставил очень добрую память среди моих коллег, товарищей и друзей (знаю, что и Люсиных тоже). И Альберт Никифорович Тавхелидзе, и Владимир Георгиевич Кадышевский, и Виктор Анатольевич Матвеев (известные физики), и Генрих Колеров (физик, он ушел в год маминой кончины), и Леня Слепченко (физик, мой друг, ушедший два года назад), и Леша Барышников, и Саша Квинихидзе, и Сергей Кулешов, и Павел Боголюбов, и Санди Донков, и Страшимир Мавродиев, и Маг Матеев, и Руфат Мир-Касимов (физики, мои приятели) считали Иву близким по духу человеком, часто помимо меня встречались и советовались с ним и пользовались его поддержкой.

Юра Чилингарян (ныне армянский академик), Ли Мен Ха (корейский физик), Иржи Патера (чех, работающий сейчас в канадском физическом центре), и все те, кого мы уже вспоминали, и многие другие, разбросанные по разным уголкам планеты, ощущают себя друзьями моего старшего брата, наполняя мое сердце гордостью за него и верой во всепобеждающую силу доброты и дружбы. Разве можно сказать, что его больше нет среди нас?

Ты так любил друзей,
их шумной встречи сладость,
застолья откровенный разговор...
Ушел... Но преданность друзей осталась.
Друзей ты собираешь до сих пор.

СПОРТ

Хотя спорт был почитаем в нашей семье, но настоящим чемпионом был только Ивочка.

Папа и мама играли в волейбол, в шахматы, были ворошиловскими стрелками, то есть имели «типичный набор» для физкультурника

30-х годов. Позднее они сохранили большую любовь к плаванию и пешим прогулкам. Папа, будучи на отдыхе на Черном море, плавал по 2–3 часа, о чем как-то писал академик С. Вольфович в газете «Советский спорт», приводя папу в пример как крупного ученого, пронесшего через всю жизнь спортивные навыки и любовь к спорту. Неплохими спортсменами были дядя Алеша и дядя Боря (мамины братья). Первым нашим наставником в спорте (после родителей) был Камо Оганесян, сын папиного друга детства Огсена. Он в конце 40-х годов приехал в Москву учиться и жил некоторое время у нас (в тесных комнатках на улице Горького). Камо водил Иву, позже нас обоих, на футбол на стадион «Динамо» (тогда еще не было стадиона в Лужниках) и на другие спортивные соревнования. Иногда и папа ходил на футбол с нами, но это было достаточно редко. Папа вообще очень мало времени уделял отдыху и развлечениям, он всегда и весь был в работе.

Уже во взрослой жизни много приятных встреч было у меня с Камо Огсеновичем, который работал в Дубне и был известен как блестящий экспериментатор и хороший спортивный тренер, судья по тяжелой атлетике. Судьба распорядилась так, что Камо умер в один год с Ивой — 13 августа 1995 г.

Самыми незабываемыми детскими впечатлениями для меня были совместные с братом (иногда втроем: он бывал со своей девушкой) походы на соревнования по легкой атлетике, которой Ива был предан всю жизнь (опять же «по стопам брата») и я полюбил легкую атлетику и немного занимался в секции спортобщества «Труд».

Во взглядах на спорт у нас с братом было только одно противоречие. Он болел за футбольную команду «Динамо», а я (почему-то) — за «Спартак».

Думаю, что я болел за «Спартак» под влиянием симпатий к этой команде академика Александра Васильевича Топчиева (папиного друга) и, в особенности, его сына Мити, который очень трогательно относился к Иве. Митя говорил: «Ива, извини, я очень уважаю и даже люблю тебя, но я болею за “Спартак”...»

Сам А. В. Топчиев, как и М. В. Келдыш, В. А. Энгельгардт, А. Л. Курсанов, В. А. Кириллин, Н. Н. Боголюбов и другие папины академические друзья, очень ценил Иву за ум, тактичность и неизменную доброжелательность. Ива, как старший сын, всегда был главным «шашлычником». Когда родители принимали на даче друзей, я помогал ему, замещал его, если Ива уезжал на целину или был на сборах.

Я всегда радовался спортивным достижениям брата, который очень хорошо бегал спринтерские дистанции (100 м, 200 м, 400 м) и, соответственно, спринтерские эстафеты. Он имел несколько вторых разрядов в спринте и в прыжках в высоту, а стометровку бегал на уровне первого разряда (тогда это было 10,8 секунды).

Несколько раз он был чемпионом Москвы (среди юношей), победителем открытого чемпионата Звенигорода, призером первенств МГУ, обществ «Труд», «Буревестник»...

Часто Ива брал меня в качестве «группы поддержки». Я сидел на стадионе, гордился братом и мечтал тоже стать чемпионом.

Помню тренера, который тренировал Иву и немного меня в легкоатлетической секции общества «Труд». Его звали Борис Владимирович Валик, он был спокойным и обаятельным человеком, все силы отдававшим воспитанию молодых спортсменов; был еще тренер по фамилии Герчиков — по-моему, он был директором ДЮСШ. До сих пор по ночам мне снится шуршащая гаревая дорожка, «душистая» раздевалка на стадионе «Труд» и Борис Владимирович с секундомером в руках. «Ну, до Оси тебе пока далеко», — говаривал он. Почему-то в спортсекции брата называли Осей.

Да, чемпионом я так и не стал. Годы проходят, и постепенно осознаешь, что далеко не все детские мечты могут уже реализоваться.

Наверное, под впечатлением этого переживания появилось такое стихотворение «Размышления»:

Где мои Олимпийские игры,
их страстей запредельный накал,
от рекордов сведенные икры?
Я в число игроков не попал...
И ни разу на финише первым
грудью ленточку не уносил,
но играл, но любил, портил нервы
и стремился вперед что есть сил...
И в тумане полночного бреда
мне привиделся жизни итог:
жизнь прожить — это тоже победа,
если выполнил все, что ты мог.

РАБОТА

Мой брат никогда не был «сухарем» и аскетом, наоборот, он любил радости жизни во всех многогранных проявлениях. Однако работа всегда была главным элементом его жизни, он умел ради успеха дела, которому служил, отказываться и от радостей жизни, и от легких путей в науке (как правило, на деле никуда не ведущих).

Его успехи в работе не были легкими. Думаю, что ему приходилось иногда делать выбор в пользу не очень благодарной деятельности в силу жизненных обстоятельств. Так, после внезапного ухода из жизни отца он согласился перейти на должность ученого секретаря ФИАНа, поскольку чувствовал ответственность за семью, а эта позиция позволяла получать немного большую зарплату. Он не оставил работу в области теоретической физики высоких энергий, но из-за

административной нагрузки довольно поздно защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

Также из-за ответственности перед семьей он не смог принять очень привлекательное для него предложение академика А. Н. Тавхелидзе — возглавить Баксанское отделение ИЯИ АН СССР. Мама, младший брат, своя семья, дети нуждались в его опеке (предлагаемая должность была связана с длительным отсутствием в Москве), а работать в полсилы он не умел. Ему было присуще большое чувство ответственности перед близкими, друзьями и наукой (об этом ярко говорили на семинарах, проводимых в память об Иосифе Норайровиче, его товарищи).

Большой период его жизни был связан с работой в Отделении ФИАНа (затем ИОФ АН), которое создал Александр Михайлович Прохоров. Ива долгое время был замом по прохоровскому Отделению. Поменял он и направление своей научной деятельности, овладев в короткие сроки навыками в нелинейной оптике. Мне кажется, что в результате непростых взаимоотношений, которые не по вине Ивы сложились в коллективе, он ушел из ИОФ АН и последние десять лет был начальником — главным конструктором ЦКБ уникального приборостроения АН СССР (с 1991 г. РАН). Годы его руководства ЦКБ были годами расцвета этого института, сотрудники до сих пор тепло и сердечно вспоминают Иву. Его заместители В. М. Неймарк и А. И. Иванов, другие сотрудники (включая нынешнего директора ЦКБ В. И. Пустовойта, который пришел из ИРЭ*) всегда вспоминают о нем в памятные дни 8 марта (день рождения Ивочки) и 9 ноября (день его смерти). В здании ЦКБ установлена мемориальная доска в честь Ивы. В стенах ЦКБ он выполнил работы, связанные с космической тематикой и удостоенные Госпремии РФ в 1992 г.

Думаю, что анализ, безусловно, весомого вклада Ивы в развитие новых направлений науки и техники не лежит в русле жанра воспоминаний о брате. Может быть, эта книжка (которую держит читатель**) в целом позволит составить портрет И. Н. Сисакяна-ученого. Моя же цель — нанести штрихи к портрету брата. . .

Скажу только, что мне всегда очень приятно получать подтверждения того, что брата помнят как учителя (у него было много учеников и в ФИАНе, и в ИОФ АН, и в Физтехе, где он читал лекции, и в других центрах) и как ученого. Дубненский физик Лев Маркович Сороко в недавно вышедшей монографии «Мезооптика» обильно цитирует научные работы брата. Член-корреспондент РАН В. А. Соيفер на заседании в Президиуме РАН в прошлом году в своем обзорном

* Институт радиоэлектроники.

** Очерк написан для книги о И. Н. Сисакяне, которая готовится к печати.

докладе назвал имя И. Н. Сисакяна как одного из основателей нового научного направления — компьютерной оптики. . .

Сам я в ряду первых своих учителей с гордостью называю своего брата.

Ива считал своими главными примерами в науке папу, Евгения Львовича Фейнберга и Александра Михайловича Прохорова. Думаю, что и они могут гордиться своим учеником. Ива всегда жалел, что научная судьба отдалила его от Евгения Львовича, которого он очень любил, отдалила от проблем физики элементарных частиц (как мог, я старался держать брата в курсе событий, происходящих в этой интереснейшей области науки).

ЕГО ДУША

Ива был человеком прозорливым. Помню, как еще в начале горбачевского периода на мои жалобы по поводу «пропесочиваний» на парткоммах он не раз говорил мне, что скоро все поменяется коренным образом и не надо обращать на это большого внимания.

К сожалению, ожидаемые перемены кроме свободы принесли значительное обнищание, в том числе и науки.

Ива очень переживал происходящее. Он активно искал партнеров для того, чтобы получить заказы на уникальные приборы, разрабатываемые у него в коллективе, так как бюджетное финансирование, в особенности институтов прикладного профиля, практически обнулилось. Ива прикладывал нечеловеческие усилия, чтобы сохранить на плаву коллектив научных прибористов академии. К этому времени он также возглавил Совет по научному приборостроению («Академприбор»). Многие друзья помогали ему в то нелегкое время, среди них Валерий Александрович Михайлов (видный организатор, многолетний первый заместитель министра науки, ныне руководитель одного из департаментов правительства), Андрей Георгиевич Фонов (в то время первый заместитель председателя ГКНТ), Миша Ковальчук (директор Института кристаллографии им. А. В. Шубникова РАН) и др.

Ряд проектов начал осуществляться совместно с зарубежными партнерами. От души пытался помочь моему брату Иосиф Тохадзе — мой старинный друг, волею судеб оказавшийся с 1977 г. в США.

В те годы Иве и его коллективу удалось выстоять, но здоровье брата сильно пошатнулось. Лечивший его врач — видный кардиолог профессор Абрам Львович Сыркин (опять же «по стопам брата» вслед за Ивой и я попал к нему как пациент) говорил мне, что сердечные сосуды брата в очень плохом состоянии. Ива не очень решительно подумывал об аортно-коронарном шунтировании, которое могло бы его спасти, но, к сожалению, он не успел «созреть» . . .

Были и еще обстоятельства, которые определили ранний уход Ивы из жизни. Он очень нежно и заботливо относился к маме. Как я уже говорил, после смерти отца все заботы о ней и семье в целом легли на его плечи. Именно Ива, понимая, как тяжело одиночество, остался жить с мамой, хотя это, на мой взгляд, осложнило его личную жизнь. Но Ива даже думать не хотел о том, чтобы разъехаться по разным квартирам. Он всегда старался встречать с мамой Новый год и все другие значимые общие и семейные праздники. Мы с сестрой, конечно, тоже старались заботиться о маме, но в последние годы, как правило, находились вдалеке от нее (я в основном в Дубне). Каждый день я старался позвонить маме, обрадовать ее хорошей новостью, получить заряд бодрости (она была очень оптимистичным человеком!). С тех пор всегда с грустью смотрю на телефон, вспоминая маму:

Я — в пути, устал, смотрю в окно. . .
Знаю: мама умерла давно,
но меж нами сохранилась нить. . .
Как хочу я маме позвонить. . .

Понимая условность любого обобщения, в то же время скажу: именно благодаря заботам Ивы мама (несмотря на все трудности и ранние потери) прожила счастливую старость. Когда мамы не стало (последние месяцы она тяжело болела), Ива как-то сразу постарел, он стал чаще грустить, порой мне казалось, что он не находил себе места. Последние пять лет он стал чаще говорить о смерти, особенно за дружеским столом, которое он так ценил и верил (боюсь, напрасно) в его целительную силу. . .

А до этого трагедия, произошедшая в моей семье, безусловно, тоже нанесла удар по Ивиному легкоранимому сердцу. В первые дни после гибели 18 февраля 1986 г. моей дочки Анечки Ивочки был главной опорой для нас с Таней, для мамы. Тогда я впервые видел, как Ива плакал. . . А затем — изнурительный судебный процесс над Аниными убийцами, переживания вокруг относительно «мягкого» приговора. . . Все это нам было бы невозможно пережить без Ивы. Демагогической болтовней для меня кажутся дебаты, развернувшиеся у нас в последнее время вокруг моратория на смертную казнь. Государство однозначно должно защищать жертву, а не убийцу.

Уже после Ивиной смерти я узнал, что он (не говоря мне ни слова) искал каналы, чтобы докопаться до истины и сурово покарать Анечкиного убийцу. . .

Он был красивым и мужественным, мой брат, надежным в деле и дружбе. Это многие люди чувствовали с первого взгляда. Думаю, что все женщины, которые его знали, были в него влюблены. Он чувствовал это и часто слегка кокетничал с милыми дамами, но всегда очень бережно относился к их чувствам, стараясь не использовать их симпатии в эгоистических целях. Одной из его любимых присказок

был тост: «...Чтоб нас девушки любили!» В то же время Ива был скромным и совсем не жаловал всякую показуху. Он очень не любил фотографироваться и давал интервью только по крайней необходимости.

Когда пишут даже о дорогом человеке, все равно неизбежно слишком много говорят о себе. Может быть, в этом нет ничего страшного, потому что, говоря о любом человеке, любом явлении в жанре воспоминаний, мы как бы преломляем их через призму собственного восприятия. Воспоминания — это, в конце концов, не статья в энциклопедии. . .

Позволю поэтому коротко еще раз остановиться на нашей дружбе, которой еще при Ивиной жизни стукнуло 51 год. . . Но разве может дружба умереть с уходом одного из друзей? Так же, как я ежедневно испытываю свою связь с ушедшими родителями, так и ежедневно в мыслях обращаюсь к моему брату, который после 12 марта 1966 г. стал для меня «пророком» нашего отца. Наверное, греховно проводить такие аналогии, но это только образ, и верю, что Господь простит меня за это.

Все значительные шаги в своей жизни я делал, посоветовавшись с братом, последние семь лет — мысленно. Я стал физиком, а не писателем (хотя, как Вы поняли, пописываю стихи), не биологом, не хирургом, как порой мечтал в детстве, главным образом, благодаря брату. Он старательно выводил меня на физико-математическую орбиту (правда, не без папиного участия). И решать замысловатые задачки, которые давал мне брат, для меня стало увлекательным делом. К тому же в те 50–60-е годы считалось весьма престижным получать призы на физико-математических школьных олимпиадах, и даже красивые умные девочки с симпатией относились к таким «олимпийцам». Ива с удовольствием общался и помогал в занятиях учебной и спортивной моим школьным друзьям и подругам. Знаю, что теплые воспоминания школьного и дачного детства связаны с моим братом у Вити Саврина, Саша Бойко, Миши Савельева (через два года после Ивы и он ушел), Виталика Барбаша, Коли Губанова, Вити Мазо, Иры Александровой, Гули Илюшиной, Миши Дзамашвили и у многих других моих друзей-приятелей, которые в разные периоды жизни общались с Ивочкой.

Бережно хранится память об Ивочке и в семье сестры: Люся, ее муж Юлиан Арамович Будагов (тоже физик из Дубны), их дети — Людмила и Александр (и их окружение) — всегда с любовью вспоминают о нем.

Наташа, в моем союзе с которой Ива сыграл решающую роль, и наша милая дочка Настенька вместе со мной разделяют гордость за старшего брата, помогают мне поддерживать связь с Ивочкиными друзьями, которые по памятным дням звонят или заходят к нам домой, чтобы вместе вспомнить Иву. Наши ереванские, аштаракские,

тверские, черниговские. . . родственники и друзья семьи относились к нему всегда очень тепло и, уверен, будут долго его вспоминать добрым словом.

В этих кратких воспоминаниях очень много имен людей, с которыми Ива был связан. К сожалению, здесь далеко не все имена. Однако я сознательно старался вместить в рамки моего рассказа побольше его друзей и хороших знакомых. Сам Ива всегда очень бережно относился к людям и боялся кого-то обойти вниманием. Он действительно очень любил своих друзей. . .

7 ноября 1995 г., как всегда на даче в кругу друзей, он отметил уже потускневший, но привычный праздник. Восьмого — много гулял по опустевшему дачному поселку, вспоминал прожитое и строил планы на будущее. . . Но будущему суждено было развиваться уже без его прямого участия. 9 ноября с утра он собирался в Москву на встречу оргкомитета симпозиума, посвященного 90-летию отца. Но собравшиеся в Институте медико-биологических проблем О. Г. Газенко, А. А. Гюрджиан, Б. Ф. Поглазов (тогда директор Института биохимии им. А. Н. Баха, где папа проработал всю свою жизнь), И. И. Филипович, Е. А. Красавин (профессор, радиобиолог) и другие так и не дождались его.

Ему стало плохо с сердцем. Приехал врач неотложки, померил давление (в норме), сделал ему укол для снятия спазма. Ива заснул на диване в большой комнате, где он так любил собирать друзей, — заснул, чтобы уже никогда не проснуться на этом свете. . .

. . . Ива всегда очень серьезно относился к любым людским увлечениям (или даже заблуждениям!), так же он относился и к моему стихотворчеству. Иве понравились стихи, которые я показал незадолго до его ухода, поэтому решил их ему и посвятить. Вот они:

Это буду не я —
человек охладевший,
понесут не меня
под марш надоевший.

Схоронив, не грустите
и слез вы не лейте,
за столом закусите
и бокалы налейте. . .

А в компании тесной,
может, сбудется чудо:
на минутку воскресну
и с вами побуду. . .

На похоронах Ивы было очень много народа, очень много цветов. . . Иногда думалось, что при жизни эти знаки внимания были бы ему нужнее.

Говорилось много теплых слов. Вот Валерий Милияев — известный физфаковский поэт — цитирует стихи (боже, это мое четверостишие!):

И я не вечен, знаю сам.
Настанет день, меня не будет,
Но богу душу не отдам,
Я вам ее оставлю, люди. . .

Да, прах Ивы покоится рядом с любимыми родителями на Новодевичьем кладбище, а светлая душа его осталась с нами и помогает нам в трудную минуту и ликует вместе с нами в минуты радости.

Порой мне кажется, что судьба могла бы быть благосклонней к моему брату. Он заслуживал большего признания в науке (в том числе быть избранным в Большую Академию), он мог бережнее относиться к своему здоровью, мог быть счастливее в личной жизни. . . Но это была бы жизнь другого человека, а не та яркая и добрая жизнь, которую прожил любимый брат мой — друг мой. . .

Москва – Дубна
Сентябрь 2002 г. – 2003 г.